Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополья: новые находки¹

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева²

Аннотация. Равноконечные кресты с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах, известные как кресты «скандинавского типа», составляют одну из наиболее известных групп средневековой христианской металлопластики эпохи поздних викингов. В статье представлены 17 новых находок этой группы, недавно обнаруженных на памятниках Суздальского Ополья, с полным анализом их морфологии, технологии изготовления и состава металла, а также их археологического контекста.

Annotation. Equilateral cross-pendants with widening branches and three balls (disks) at the ends, known as the «Scandinavian type» crosses constitute one of the most well-known groups of Christian metalwork of the Late Viking Age. The paper presents 17 artifacts of this group, recently discovered at the sites of Suzdal' Opolie with special insight into their morphology, manufacturing techniques and metal composition, as well as into their archaeological context.

Ключевые слова: христианская металлопластика, Северо-Восточная Русь, кресты-тельники, состав сплавов.

Keywords: Christian metal plastics, North-Eastern Rus', cross pendants, alloys composition.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-347-365

Равноконечные кресты с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах (кресты «скандинавского типа») — одна из самых известных и основательно исследованных групп средневековой христианской металлопластики. Крестам этого типа, вопросам их происхождения, датировки, символики и использования в обрядовой практике посвящена обширная литература, от коротких комментариев А. А. Спицына, давшего им название (*Спицын*, 1905. С. 117), до недавней статьи А. Чураковой, включающей наиболее полную сводку этих предметов (всего 110 экз.; *Чуракова*, 2017).

Интерес к крестам «скандинавского типа» связан с тем, что они представляют собой одну из древнейших групп предметов христианского культа, вошедших в обиход на Руси, с их присутствием в элитных погребениях второй половины X в. и кладях, наконец, с тем обстоятельством, что их

ареал охватывает Русь и Скандинавию и документирует славяно-скандинавское культурное взаимодействие³. Сегодня многое в истории бытования этих ярких образцов средневековой культуры прояснено: установлено время их первоначального появления в Восточной и Северной Европе и общее время их бытования, локализованы области их распространения, выделено несколько вариантов крестов, связанных с разными археологическими контекстами, отличающимися по датировке. Тем не менее изучение этой яркой группы предметов не исчерпано, новые находки открывают возможности для более основательного и глубокого исследования вопросов их производства, распространения и места в культуре.

Среди известных сегодня областных серий крестов «скандинавского типа» самая многочисленная происходит из Суздальского Ополья. Систематическое изучение памятников центра Суздальской земли, возобновленное

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-29-04129).

² Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

³ Еще одной древнейшей группе крестов-тельников с грубым изображением Распятия посвящена отдельная статья Н. А. Макарова (*Макаров*, 2018).

Институтом археологии РАН в 2001 г., добавило 17 новых находок к хорошо известным крестам из раскопок А. С. Уварова, присутствующим в многочисленных публикациях, посвященных христианским древностям X–XI вв.⁴ Новые суздальские находки крестов «скандинавского типа» — часть большой коллекции средневековых предметов (около 15 тыс. единиц), собранной на селищах и могильниках Ополя. Основная часть этой коллекции (более 13 тыс. предметов) происходит из распаханного культурного слоя селищ и получена путем их обследования с использованием металлодетектора. В ее составе около 150 средневековых крестов-тельников и их фрагментов. 136 из них собраны на поверхности селищ, девять получены при раскопках (Зайцева, 2012. С. 35; Федорина, Красникова, 2015. С. 286; Шполянский, 2015. С. 208–209).

Кресты «скандинавского типа» обнаружены на 13 памятниках (рис. 1): на 11 селищах (Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2, Суворотское 8, Кубаево 7, Сунгирь, Торки 4, Карельская Слободка 4, Вышеславское 3, Вышеславское 5, Семеновское-Советское 2), в могильнике Шекшово 9 и в Суздале на территории окольного города. Из сборов на поселении Шекшово 2 происходит семь крестов, на остальных селищах найдено по одному экземпляру. Находки документированы на широкой территории — от южной части Ополя, прилегающей к Владимиру (Суворотское 8, Сунгирь), до северной, на водоразделе Гзы и Ирмеса (Кубаево 7), часть их локализуется в ближайшей округе Суздаля (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Гнездилово 2, Карельская Слободка 4, Семеновское-Советское 2). Все находки собраны в распаханном культурном слое и не привязаны к стратифицированным горизонтам и закрытым комплексам, они могут быть датированы в общем контексте собранных на памятниках материалов.

Из 19 крестов «скандинавского типа» в Суздальском Ополе 13 происходят из культурного слоя «больших поселений» X–XI вв. (Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2, Кубаево 7,

Суворотское 8, Сунгирь) и из связанного с одним из этих поселений могильника (Шекшово 9). Большие поселения Северо-Восточной Руси — неукрепленные поселения X–XI вв., занимающие значительную площадь (более 4 га), со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, престижных вещей и многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям (Макаров, Федорина, 2015). Кресты представлены в материалах шести поселенческих комплексов этой категории из 10, выявленных в Суздальском Ополе. С некрополями «больших поселений» связаны и три находки подобных крестов из раскопок А. С. Уварова, обнаруженные в курганах у с. Веси и Васильково. Своей многочисленностью выделяются находки из Шекшовского комплекса (Шекшово 2, Шекшово 9, Большое Давыдовское 2, всего 9 экз.), однако при оценке этого распределения следует иметь в виду, что Шекшовский комплекс охвачен полевыми исследованиями значительно полнее, чем другие памятники Ополя, и превосходит их по общему количеству средневековых находок.

Пять других селищ с находками крестов «скандинавского типа» (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Торки 4, Карельская Слободка 4, Семеновское-Советское 2) — обычные для Суздальского Ополя поселения на овражных системах, возникли в конце XI или в первой половине XII в. и продолжали свое существование до середины XIII в. или до XIV в. На четырех из этих памятников (Вышеславское 3, Вышеславское 5, Семеновское-Советское 2, Карельская Слободка 4) найдены редкие предметы христианского культа (металлические образки, амулеты-змеевики), на одном — актовая печать — находки, указывающие на вероятное присутствие на этих поселениях социальной элиты.

Прежде чем обратиться подробнее к новым суздальским находкам, стоит напомнить общую проблематику исследования крестов «скандинавского типа», существующие разработки по их систематизации и обоснования датирования.

Крестами «скандинавского типа» А. А. Спицын назвал в 1905 г. равноконечные кресты-тельники с расширяющимися к концам ветвями с тремя шариками (дисками) на концах по известным в то время находкам в Финляндии, Прибалтике и на Северо-Западе Древней Руси (Спицын,

⁴ Еще два креста происходят из окольного города Суздаля: один найден в сооружении второй половины XII в. на посадке у «мытного рва» (Седова, 1997. С. 132), другой в яме на раскопе на Яруновой Горе (Самойлович, Глазов, 2008. С. 85; благодарим Н. Г. Самойлович за возможность публикации находки).

Рис. 1. Находки крестов «скандинавского типа» в Суздальском Ополье

Fig. 1. Finds of the 'Scandinavian type' crosses in Suzdal' Opolye

1905. С. 117)⁵. В 1968 г. М. В. Фехнер опубликовала сводку из 73 таких крестов со всей древнерусской территории, определив их древнерусское (севернорусское) происхождение (Фехнер, 1968) и датировку с конца X в. Ею было выделено несколько вариантов крестов по разнообразию декора на лицевой стороне. Исследовательница отметила, что раскопанные А. С. Уваровым владимирские курганы являются одним из районов концентрации таких крестов (13 экз.; Там же. 1968. С. 212).

К сожалению, осталось неопубликованным в полном объеме собрание крестов-тельников, обнаруженных на древнерусской территории, сделанное Н. Г. Недошивиной (около 750 экз.). «Кресты скандинавского типа» она разделяет на большие серебряные, привезенные на Русь в конце X — первой половине XI в., и малые бронзовые

серийные подвески стандартных форм (Недошивина, 1995. С. 70).

В 1999 г. вышел в свет известный труд немецкого археолога Й. Стеккера, который вслед за И. Сернингом и М. Стенбергером разделил европейские и русские находки таких крестов (тип 1.4.3) на варианты по размеру и декору (Staecker, 1999. Р. 111). Немногочисленные большие кресты, по его мнению, производились в Скандинавии и на Руси (вариант В), многочисленные малые (вариант А) на Руси в XI в. (Ibid. 1999. Р. 110–115). Каталог крестов типа 1.4.3 насчитывает у Й. Стеккера 93 предмета (Ibid. 1999. Р. 556–558).

В последние 20 лет существенную роль для разработки вопроса имели находки новых предметов, сделанные в археологических контекстах, и их анализ, а также публикации материалов, не введенных ранее в научный оборот. Это кресты из Гнёздова (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 161), Киева и Звенигорода под Киевом (Ивакин, 2005; Зоценко и др., 2017. С. 133), Пскова (Колпакова, 2007; Еришова, 2016. С. 266), Новгорода (Тарабардина, 2014;

⁵ Интересно, что в западноевропейской литературе такие кресты называются крестами «восточного/русского стиля» (Merkel, 2016. Р. 137, № 169).

Покровская и др., 2017. С. 469–470; Олейников, 2019. С. 327), кургана № 1 летописного Плеснеска (Ливох, 2010. С. 488), Ростова (Леонтьев, 2015. С. 49), курганов Тверского Поволжья (Комаров, 2002. С. 149; Жукова, Степанова, 2010. С. 240, 341), Рязани (Остапенко, 2015) и др.

Датированные комплексы камерных погребений Псковского и Киевского некрополей, находки в стратифицированном культурном слое Гнёздовского городища и Пскова позволили определить время появления крестов «скандинавского типа» серединой — второй половиной X в. (Ершова, 2016. С. 276; Петрухин, Пушкина, 2009. С. 159; Колпакова, 2007. С. 39). Все кресты этого времени изготовлены из серебра (некоторые имеют позолоту, а крест из камерного погребения № 6 в Пскове — позолоту и чернь) и относятся к типу В по Й. Стеккеру. Исследователи связывают находки таких крестов с дружинной средой (Мусин, 1999. С. 140; Колпакова, 2007. С. 41; Петрухин, Пушкина, 2009. С. 157). Ф. Андрощук высказал мнение, что подобные кресты могли дариться служившим в Византии наемникам (Androshchuk, 2011. Р. 88).

Многочисленные небольшие по размерам кресты варианта А по Й. Стеккеру, изготовленные, как правило, из бронзы, появляются не ранее XI в. (Покровская и др., 2017. С. 470; Колпакова, 2007. С. 38). Они были популярны на всей древнерусской территории.

Публикации каталогов грабительских находок, вышедшие в последние 20 лет (Нечитайло, 2000; Чудновец, 2006; Кайль, Нечитайло, 2006), имеют значение только в плане возможности обзора количества и типологического разнообразия предметов.

Новая сводка крестов «скандинавского типа» с территории Древней Руси, учитывающая все находки последних десятилетий, опубликована А. Ю. Чураковой в 2017 г. (Чуракова, 2017). Предлагаемая ею типология крестов соответствует типологии Й. Стеккера (группа I по А. В. Чураковой — вариант В1 по Й. Стеккеру; группа II по А. Ю. Чураковой — вариант В2 по Й. Стеккеру; группа III по А. Ю. Чураковой — вариант А по Й. Стеккеру). Исследовательница учла около 110 экземпляров крестов (среди которых одна из новейших суздальских находок). Ранние типы крестов (группы I и II) имеют, по ее мнению, «восточнохристианское происхождение» и бытуют в элитной дружинной среде, они могли изготавливаться в разных центрах. Кресты группы III производились

на Руси и входят в круг женской провинциальной культуры (Чуракова, 2017. С. 168).

Рассмотрим кресты Суздальских селищ в соответствии со сложившейся типологией. Все кресты исследованы в Институте археологии РАН методом оптической микроскопии на стереомикроскопе Zeiss Stemi 2000. Анализы металла крестов выполнены И. А. Сапрыкиной методом безвакуумного рентгено-флуоресцентного анализа на установке M1 Mistral Bruker (табл. 1).

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенными тремя полусферическими выступами (тип 1.4.3 вариант В по Й. Стеккеру, или группы I и II по А. Ю. Чураковой) (4 экз.), происходят из культурного слоя поселений Большое Давыдовское 2, Суворотское 8, Шекшово 2 и Семеновское-Советское 2. Несмотря на то что все четыре креста обнаружены в обломках, они имели значительные размеры: их высота без ушек составляла 4,0–5,5 см.

Все кресты изготовлены литьем: крест из Большого Давыдовского 2 (БД) (рис. 2, 1) отлит в жесткой двустворчатой форме, о чем свидетельствуют литейный шов, идущий посередине торцевой части изделия, и сглаженные фигуры рисунка. Металл — высокооловянная бронза (Sn — 29 %, Pb — 1,35 %; табл. 1). Крест из Семеновского-Советского 2 (СС; рис. 2, 4) изготовлен по оттиску готового изделия в форму с плоской крышкой также из высокооловянной бронзы (Sn — 24,21 %, Pb — 1,26 %). Крест из Шекшово 2 (рис. 2, 3) сделан из сплава на основе олова (Sn — 93,4 %, Pb — 5,2 %, Cu — 0,77 %) по оттиску готового изделия в открытой горизонтальной форме. На обороте видны усадочные полости. Остывающий металл подправлялся пальцем (видны линии узора на пальце). Отливка вышла невысокого качества, лицевая поверхность креста была подработана резцом. Крест из Суворотского 8 (рис. 2, 2) изготовлен из латуни по резной восковой модели. Рисунок делался по уже остывшему воску и получился несколько угловатым. После отливки изделие было покрыто полудой.

Лицевые поверхности крестов украшены выпуклым геометрическим декором, оборотные стороны гладкие (у креста из БД на месте перекрестья на обороте имеется полукруглая выемка). В средокрестии креста из Суворотского 8 расположен выпуклый круг, обведенный выпуклой окружностью. В средокрестии креста из БД, оформленном рубчатой окружностью, находится

Таблица 1. Состав металла крестов с селищ Суздальского Ополя
 Table 1. Metal composition of the crosses from the Suzdal' Opolie settlements

	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi	Паспорт
1	68,795	0,232	0,000	0,000	0,140	0,215	0,092	28,966	0,215	1,346	0,000	0,000	Б. Давыдовское 2, 2006, № 11
2	48,330	0,710	0,000	0,120	1,700	0,655	0,000	43,915	0,000	4,075	0,000	0,000	Суворотское 8, 2012, № 677/74 (покрытие)
3	0,771	0,392	0,000	0,000	0,000	0,307	0,011	93,361	0,000	5,158	0,000	0,000	Шекшово 2, 2017, № 942/73
4	73,769	0,374	0,000	0,000	0,000	0,000	0,158	24,214	0,225	1,261	0,000	0,000	Семеновское-Советское, 2018, № 80
5	63,693	0,999	0,000	0,000	0,026	0,000	0,168	32,283	0,349	2,438	0,000	0,044	Карельская Слободка 4, 2006, № 149
6	55,097	0,445	0,000	0,000	0,000	0,000	0,217	36,942	0,412	6,853	0,000	0,035	Вышеславское 5, 2018, № 100
7	66,915	0,496	0,000	0,000	0,705	0,764	0,112	26,655	0,292	4,060	0,000	0,000	Торки 4, 2009, № 29
8	72,021	0,529	0,000	0,000	0,397	0,000	0,203	25,149	0,266	1,435	0,000	0,000	Шекшово 2, 2017, № 898/29
9	71,473	2,235	0,027	0,000	6,164	0,000	0,244	4,999	0,749	13,989	0,000	0,120	Шекшово 2, 2016, № 1086/69
10	91,664	0,236	0,000	0,000	3,640	0,311	0,075	2,070	0,214	1,790	0,000	0,000	Сунгирь, 2007, № 392/35
11	88,903	0,148	0,000	0,000	1,326	0,104	0,122	4,833	0,505	3,928	0,000	0,130	Гнездилово 2, 2014, № 208/120
12	32,764	1,472	0,000	0,000	2,748	0,913	60,420	0,124	0,030	1,299	0,189	0,041	Шекшово 2, 2015, № 618/9
13	62,900	0,790	0,000	0,000	0,809	0,721	0,343	30,940	0,300	2,558	0,000	0,000	Вышеславское 3, 2018, № 207
14	48,550	1,938	0,000	0,000	9,156	2,860	0,392	20,114	0,809	16,072	0,000	0,109	Шекшово 2, 2018, № 97
15	76,737	1,755	0,000	0,000	0,246	1,712	0,278	10,861	0,244	8,092	0,000	0,076	Шекшово 2, 2015, № 651/42
16	65,811	1,823	0,000	0,000	5,464	2,367	0,158	5,459	0,386	18,461	0,000	0,071	Кубаево 7, 2015, № 168/63
17	72,693	1,833	0,000	0,000	0,092	0,307	24,033	0,057	0,101	0,854	0,000	0,030	Шекшово 2, 2013, № 7/5

изображение многолепесткового цветка с выпуклой серединкой. Ветвь этого креста оконтурена двойным бордюром, в ее центре — выпуклая крестовидная фигура, выполненная из цепочек ложных «жемчужин», имеющих подпрямоугольную форму. Рисунки на ветвях крестов из Суворотского 8 и СС совпадают: в центрах полусферических выступов имеются небольшие впадинки, ветви оконтурены гладкими выпуклыми бордюрами, в центральные части ветвей помещены гладкие валики. Ветвь креста из Шекшово также украшена валиками — здесь их три.

Несмотря на индивидуальность исполнения каждого изделия, суздальские кресты имеют прямые аналогии среди известных в литературе больших крестов из белого металла, происходящих с севернорусских территорий: Тяглицы (Спицын, 1896. Табл. V, 7), Городок на Ловати (Горюнова, 2016. С. 48), Минино (Зайцева, 2008а. С. 62); Архангельский клад (серебро; Носов, Овсянников, 1997. С. 152), Весь (курган № 17, Спицын, 1905. С. 143, рис. 212) и др., Финляндии и Карелии (Purhonen, 1998. Р. 83; Sedov, 1984. Р. 18; Sedov, 1984. С. 34, рис. 2, 2), Готланда (Stenberger,

Рис. 2. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Большое Давыдовское 2, 2006, № 11; 2 — Суворотское 8, 2012, № 677/74; 3 — Шекшово 2, 2017, № 942/73; 4 — Семеновское-Советское 2, 2018, № 80. 1–4 — цветной металл.

Рисунки крестов к статье выполнены А. С. Дементьевой

Fig. 2. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Bolshoye Davydovskoye 2, 2006, no. 11; 2 — Suvorotskoye 8, 2012, no. 677/74; 3 — Shekshovo 2, 2017, no. 942/73; 4 — Semenovskoye-Sovetskoye 2, 2018, no. 80. 1–4 — nonferrous metal. Drawings by A. S. Dement'yeva

1947. Abb. 260, 1; *Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 113; *Staecker*, 1999. P. 469, 471, 477), Прикамья (Вакинское селище (Белавин, Крыласова, 2017. С. 287)). От тонкой работы серебряных крестов с позолотой (камерные погребения Пскова и Киева, курган Плеснеска), которым они, несомненно, подражают, их отличает достаточно высокий рельеф и некоторая грубоватость изображений, наличие крупных полусфер, а не дисков, на концах ветвей. Кресты датируются XI — началом XII в. (*Thunmark-Nylen*, 1995. Abb. 113; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 155). Аналогии выпуклому многоле-

пестковому цветку на кресте из БД можно найти на серебряном с позолотой и чернью кресте из камерного погребения № 6 в Пскове, совершенного во второй половине X в. (*Ершова*, 2016. С. 266) и на кресте из карельского могильника Кекомьяки (*Седов*, 1984. С. 34). Примечательно, что в Новгороде в слое конца X — начала XI в., обнаружен бракованный крест желтого цвета размерами 61 × 56 мм (с ушком), отлитый из оловянной латуни (*Олейников*, 2019), полностью совпадающий по рисунку с крестом из БД. Второй такой же крест с небольшими отличиями в оформлении полусфер

Рис. 3. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Карельская слободка 4, 2006, № 12; 2 — Вышеславское 5, 2018, № 100; 3 — Торки 4, 2009, № 29; 4 — Шекшово 2, 2017, № 898/29. 1–4 — цветной металл

Fig. 3. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Karel'skaya Slobodka 4, 2006, no. 12; 2 — Vysheslavskoye 5, 2018, no. 100; 3 — Torki IV, 2009, no. 29; 4 — Shekshovo 2, 2017, no. 898/29. 1–4 — nonferrous metal

происходит из культурного слоя Городка на Ловати (Горюнова, 2016. Фото 8, 3).

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам трехчастной формы (4 экз.) собраны на четырех поселениях: Карельская Слободка 4, Вышеславское 5, Торки 4, Шекшово 2 (рис. 3). Все кресты фрагментированы, до нас не дошло ни одного ушка, однако общий их облик хорошо восстанавливается по кресту из Вышеславского 5, сохранившего перекрестье и три целые ветви (рис. 3, 2). Ширина креста составляет 38,8 мм, толщина — 2,2 мм. Обрат плоский. Краевые части креста на обороте скруглены. Орнамент на лицевой стороне нечеток. В центре располагается выпуклый многолепестковый цветок с гладкой сердцевинкой. Он окружен гладким выпуклым бордюром. В центральных частях ветвей — выпуклые крестовидные фигуры, выполненные из цепочек ложных «жемчужин», имеющих подпрямоугольную форму. По периметру лицевой

поверхности сделан выпуклый двойной гладкий бордюр. Фон — неровный. Крест отлит по оттиску готового изделия, произведенного с использованием жесткой (каменной?) формы.

Кресты из Вышеславского 5, Карельской Слободки 4 (рис. 3, 1) и Торки 4 (рис. 3, 3), также отлитые по оттиску, полностью совпадают по размерам и деталям рисунка и восходят, вероятно, к одному оригиналу (рис. 4). Они немного различаются качеством проработки декора, зависящим от оттискиваемого образца. Крест из Шекшово 2 (рис. 3, 4) аналогичен по рисунку предыдущим. Он был, вероятно, отлит непосредственно в форму и имеет четкий рисунок. Несколько отличается и ширина его ветви — треугольные концы имеют меньший разлет.

Все кресты серебристого белого цвета изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (25,1–37,0 %; табл. 1). Концентрация свинца у одинаковых крестов находится в

Рис. 4. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Вышеславское 5, 2018, № 100; 2 — Торки 4, 2009, № 29; 3 — Карельская слободка 4, 2006, № 12; 4 — Шекшово 2, 2017, № 898/29; 5 — Большое Давыдовское 2, 2006, № 11.

1–5 — цветной металл

Fig. 4. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Vysheslavskoye 5, 2018, no. 100; 2 — Torki IV, 2009, no. 29; 3 — Karelskaya Slobodka 4, 2006, no. 12; 4 — Shekshovo 2, 2017, no. 898/29; 5 — Bolshoye Davydovskoye 2, 2006, no. 11.

1–5 — nonferrous metal

пределах 2,44–6,80 %, у креста из Шекшово 2 она несколько ниже и составляет 1,44%.

Удалось найти единственную аналогию этим крестам в сборах на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 42, 14). Хотя кресты и не имеют характерного признака типа «скандинавских крестов» — трех полусфер на концах, нам представляется, что их правомерно рассматривать в контексте находок этого круга. Размеры, форма и декор на средокрестии и ветвях крестов полностью совпадают с параметрами рассмотренного выше экземпляра из БД.

Одинаков и металл крестов — высокооловянная бронза с небольшими добавками свинца. Такие бронзы, называемые «белыми бронзами», имеют серебристый цвет, высокую плотность и хорошую коррозионную стойкость, но они достаточно хрупкие (все суздальские кресты разбиты) и плохо подвергаются доработке после литья. Этот сплав не был в ходу у севернорусских мастеров XI — начала XII в., отдававших предпочтение латуням (сплавам с цинком) и бронзам с небольшими или средними присадками олова и небольшими

свинца (Ениосова и др., 2008. С. 136–145; Зайцева, 2008б. С. 38; 2009. С. 160–161; 2015. С. 255; Ениосова, 2016. С. 726–727; Ениосова и др., 2017. С. 194). Украшения из серебристого цвета высокооловянных сплавов, позволяющих имитировать дорогие серебряные изделия, появляются в номенклатуре древнерусских литейщиков несколько позже — в XII–XIII вв. Из них делали семилопастные височные кольца, рубчатые и дрововые перстни, кресты и иконки (Зайцева, Сапрыкина, 2014. С. 214; Сарачева, 2014. С. 60–61).

Однако рецепт данного сплава был и раньше хорошо известен на Востоке: из него изготавливали чаши, колокола и зеркала (Шемаханская, 2015. С. 19–25). Высокооловянные бронзы зафиксированы в цветной металлообработке аланских, хазарских и великоморавских памятников (Ениосова и др., 2008. С. 144). Около 40 % изученных предметов из оловянно-свинцовой бронзы из Подболотьевского могильника содержит олово в концентрации 25–40% (Сапрыкина, 2014. С. 233). Такой сплав также характерен для деталей

поясной гарнитуры VIII–IX вв. Крюково-Кужновского могильника (*Сапрыкина и др.*, 2010. С. 324).

В синхронных рассматриваемым материалах высокооловянная белая бронза доминирует среди проанализированных украшений из сплавов на основе меди из древнекарельских городищ (с конца XI в.), много таких предметов в могильниках Заволочья — Тихманьга и Усть-Пуя (*Енисова, Кочкуркина*, 2010. С. 26, 29, 30). Одна подковообразная фибула с содержанием олова 22 % исследована в Пскове (*Королева*, 1996. С. 276). Поясная накладка с плетеным «скандинавским» узором с концентрацией олова 18–33 % известна в кургане № 382 Тимерёво (*Седых, Френкель*, 2015. С. 217, 227).

Можно полагать, что найденные экспедицией большие кресты «скандинавского типа» и сделанные по их подобию кресты без шариков изготовлены в Ополе. Мастера осознанно подбирали по цвету сплавы, имитирующие серебряные дорогостоящие вещи (*Хаврин*, 2014. С. 53–54). В одном случае было применено лужение, в другом — использован сплав на основе олова, в остальных — высокооловянная бронза с небольшими добавками свинца. Крест «скандинавского типа» высотой 5 см из сплава олова и свинца происходит из Новгорода из зоны жилой застройки третьей четверти XI в. (*Тарабардина*, 2014. С. 235).

На селище Шекшово 2, вероятно, производились изделия из легкоплавких сплавов — имитации дорогих образцов. Кроме креста «скандинавского типа» здесь обнаружены небольшая круглая подвеска и ширококорая лунница с непроткнутыми отверстиями в ушках, а также поясная пряжка с непролитыми отверстиями, заделанными бронзовой полоской, бракованный пластинчатый перстень.

Накопленные в настоящее время данные позволяют полагать, что больших крестов «скандинавского типа» было действительно немного, каждый изготавливался индивидуально, но следуя общей иконографической схеме. Это подтверждают вышедшие в последние годы каталоги крестов из сборов, где такие кресты практически отсутствуют. Только в каталоге В. Кайля и В. Нечитайло представлен обломок одного большого серебряного креста с позолотой (*Кайль, Нечитайло*, 2006. № 63).

Остальные кресты, собранные в Ополе, имели меньшие размеры, и большинство — визуаль-но желтый цвет.

Равноконечные кресты с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенным тремя дисками (4 экз.), изготовлены в подражание большим крестам. Два креста сделаны по оттискам крестов с рельефным выпуклым декором, первоначальные отливки которых были произведены с использованием жестких форм.

Ширина креста из Шекшово 2 (рис. 5, 1) равна 30,5 мм, толщина 1,3 мм. Обратная сторона креста гладкая, в средокрестии имеется округлое углубление. Лицевая сторона креста украшена выпуклым декором. В средокрестии помещен многолепестковый цветок, края ветвей оконтурены рубчатым бордюром. Треугольные концы ветвей отделаны тремя дисками, на некоторых из них есть небольшие круглые углубления. Узор на ветвях креста несколько смазан. Крест отлит из оловянно-свинцовой бронзы (Sn — 10,86 %, Pb — 8,1 %). Полная аналогия ему с более четким рисунком происходит из культурного слоя селища Минино I на Кубенском озере (*Зайцева*, 2008а. С. 62). Второй такой крест обнаружен на селище Введенское под Ярославлем (*Праздников*, 2001. С. 175).

Размеры еще одного целого креста из Шекшово 2 (рис. 5, 2) составляют: 41,5/34,8 мм (с ушком/без ушка), ширина 32 мм, толщина 1,5 мм. Ушко — простое в виде большой овальной петли. Крест отлит по оттиску готового изделия из биллона (Cu — 72,69 %, Sn — 0,06 %, Pb — 0,85 %, Ag — 24,03 %) в одностворчатую форму с крышкой. Обратная сторона плоская, в центре средокрестия имеется круглое углубление. Выпуклый орнамент на лицевой стороне креста нечеткий, сглаженный. В центр средокрестия ромбической формы помещен выпуклый кружок, обрамленный выпуклым гладким кольцом и тонким рубчатым колечком. Края ветвей и средокрестия украшены широким рубчатым орнаментом, имитирующим «жемчужины». Концы ветвей декорированы тремя небольшими выпуклыми шишечками. На левой ветви креста шишечки очень сглажены. Такой же крест найден на городище Даугмале (*Migurēvičs*, 1974. С. 224, рис. 1, 35).

Узор одного креста из Шекшово 2 (рис. 5, 1) достаточно точно воспроизводит образец креста из камеры № 6 в Пскове (*Ершова*, 2016. С. 293). Близки к нему и декоры на крестах (отсутствует многолепестковый цветок в средокрестии), происходящих из камерного погребения № 13 в Михайловском монастыре в Киеве, совершенном в первой половине XI в. (бронза; *Ивакин*, 2005.

Рис. 5. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 2, 2015, № 651/46; 2 — Шекшово 2, 2013, № 7/5.

1–2 — цветной металл

Fig. 5. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 2, 2015, no. 651/46; 2 — Shekshovo 2, 2013, no. 7/5.

1–2 — nonferrous metal

С. 287–288); с усадьбы первой половины XI в. в Новгороде (серебро с позолотой; *Покровская и др.*, 2017. С. 470) и клада XI в. из Крыжово Псковской области (серебро; *Фехнер*, 1968. С. 211). Узор на втором кресте из Шекшова 2 (рис. 5, 2) более схематичен. Можно полагать, что датировка шекшовских крестов не выходит за пределы XI в.

Два креста из Шекшова 9 (рис. 6, 1) и Кубаево 7 (рис. 6, 2) выполнены по одному образцу, но различаются качеством исполнения рисунка. На обоих крестах имеются поперечные перемычки, отделяющие средокрестия от ветвей.

Высота экземпляра из Шекшова 9 составляет 41/37 мм (с ушком / без ушка), толщина 1,3 мм. Крест литой по оттиску готового изделия: видны литейные швы в торцевых частях. Первая отливка сделана по восковой модели, украшенной двусторонним врезным глубоким линейным декором. Четкий рисунок имеется на обеих сторонах креста. На одной стороне в центре средокрестия располагается выпуклый многолепестковый цветок (налеп на модели). Средокрестие и центральные части ветвей оконтурены двумя продольными линиями, на концах ветвей сделаны по три врезных кружка, имитирующих полукруглые выступы. На другой стороне креста в центре средокрестия находится простой крест, две линии оконтуривают средокрестие и центральные части ветвей.

Средокрестие отделено от ветвей одинарными поперечными перехватами. На концах ветвей располагаются по три врезных кружка с углублениями в центрах, имитирующих полукруглые выступы. Крест отлит из высокооловянной бронзы (Cu — 48,55 %, Sn — 20,11 %, Pb — 16,01 %, Zn — 9,16 %). Аналогия данному кресту происходит из кургана № 422 Тимирёва (*Мальм*, 1963. С. 37, рис. 21, 13). Близкий по рисунку (отличается декор в перекрестье) односторонний крест размером 70 × 44 мм из частных коллекций в собрании Русского музея опубликован С. М. Новаковской-Бухман (*Новаковская-Бухман*, 2017. С. 368–369), еще три найдены в Могилевской области (*Фехнер*, 1968. С. 211, рис. 1, 5), Полтавской губернии (*Ханенко*, 1900. № 254) и окрестностях Риги (*Mugurēvičs*, 1974. С. 224, рис. 1, 31).

Крест из Кубаево 7 несколько больше: он погнут, его высота составляет около 47 см, ширина 37,5 мм, толщина 2,2 мм. Крест отлит по оттиску готового изделия в двусторонней форме: в торцевой части креста виден литейный шов. Первоначальная отливка была сделана по резной восковой модели. Рисунок из углубленных линий сделан на обеих сторонах креста. Мастер срисовывал орнамент с образца и сделал это довольно примитивно. Рисунок практически полностью повторяет

Рис. 6. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 9, 2018, № 97; 2 — Кубаево 7, 2015, № 168/63.
1–2 — цветной металл

Fig. 6. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 9, 2018, no. 97; 2 — Kubayevo 7, 2015, no. 168/63.
1–2 — nonferrous metal

декор на шекшовском кресте, только налп многопесткового цветка в средокрестии заменен прочерченными линиями, не показана разделка ветвей на одной из сторон креста. Состав сплава также похож — многокомпонентная бронза, но с меньшим количеством олова (Cu — 65,81 %, Sn — 5,46 %, Pb — 18,46 %, Zn — 5,46 %). Похожий крест происходит из Даугмале в Латвии (Mugurēvičs, 1974. С. 224, рис. 1, 36).

Металл крестов из Шекшово 9 и Кубаево 7 более свойствен севернорусской металлообработке X — начала XII в., в которой большой процент составляют многокомпонентные сплавы с добавками цинка, олова и свинца (Ениосова и др., 2008. С. 146–148; Зайцева, 2008б. С. 39; Зайцева, 2015. С. 256–257; Ениосова и др., 2017. С. 154). Некоторые отличия наблюдаются в повышенной концентрации легирующих элементов.

Кресты вытянутых пропорций с расширяющимися к концам ветвями ромбической формы, с тремя дисками на концах и поперечными перемычками на ветвях (5 экз.). Три креста из Шекшово 2, Сунгира и Гнездилово 2 имеют практически одинаковые размеры и рисунок на лицевой поверхности,

оборотные стороны плоские. Они отлиты по оттискам в одностворчатых формах с плоскими крышками. Полости для ушек были только в одной створке. Первые отливки таких крестов были выполнены с использованием жестких форм. В отличие от всех рассмотренных выше, эти кресты имеют вытянутые пропорции. Размеры креста из Шекшово 2 (рис. 7, 1) составляют 37 (с ушком) × 32 мм, толщина 1,7 мм. Ушко простое петельчатое высотой 5,5 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 71,47 %, Sn — 5,0 %, Pb — 14,0 %, Zn — 6,16 %). В жесткой форме, вероятно, была отлита восковая модель, одна ветвь которой отломилась и была приделана вновь (виден тонкий выступающий рубец на правой ветви).

На лицевой поверхности креста имеется выпуклый геометрический орнамент. В центр средокрестия помещено небольшое выпуклое кольцо, обрамленное выпуклым ромбом с вогнутыми сторонами. Внешний край изделия украшен гладким валиком и ложнозерненным орнаментом. Средокрестие отделено от ветвей перемычкой в виде трех гладких валиков. Ветви креста имеют ромбическую форму. Их центральные части

декорированы выпуклыми фигурами в виде капель, обрамленных гладкими валиками. Концы ветвей оформлены в виде трех дисков диаметром по 5 мм, каждый из которых состоит из двух выпуклых концентрических окружностей. На двух ветвях внешние части окружностей немного подрезаны. На верхней ветви имеется два диска. Рисунок на кресте очень четкий.

Размеры креста из Сунгиря (рис. 7, 2) составляют 38 мм (с ушком) × 30 мм, толщина 1,8 мм. Ушко простое петельчатое высотой 6 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 91,66 %, Sn — 2,07 %, Pb — 1,79 %, Zn — 3,64 %). Рисунок на кресте частично затерт.

Размеры креста из Гнездилово 2 (рис. 7, 3) равны 34,4 (с ушком) × 28,2 мм, толщина 1,7 мм. Ушко простое петельчатое высотой 5 мм. Крест отлит из многокомпонентного сплава (Cu — 88,9 %, Sn — 4,83 %, Pb — 3,94 %, Zn — 1,33 %). Выпуклый геометрический рисунок нечеток и местами плохо пролит. В результате тиражирования был утрачен центральный диск на левой ветви креста.

Рисунки на лицевых поверхностях всех рассмотренных крестов совпадают до мельчайших деталей, хотя и имеют разное качество исполнения. Первые отливки таких крестов были выполнены с использованием жестких форм. Суздальские кресты изготовлены из многокомпонентного сплава с небольшими концентрациями олова, свинца и цинка — одного из самых распространенных сплавов по всей территории Северной Руси в XI в.⁶ (Ениосова и др., 2008. С. 146–148; Зайцева, 2008б. С. 39). Многочисленные аналогии этим крестам представлены на широких территориях: от Швеции и Норвегии на западе (Staecker, 1999. Р. 445, 449) до Старой Рязани на востоке (Остапенко, 2015. № 2, 3), от Дунайской Болгарии (Дончева-Петкова, 2011. С. 727, № 1275) и Саркела на юге (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 160, 162) до Пермского Приуралья на севере (Белавин, Крыласова, 2017. С. 287). Отметим находки в Звенигороде под Киевом (Зоценко и др., 2017. С. 133) и Вышгороде, курганах Беларуси (Башков, 2011. С. 142), Пскове (Колпакова, 2007. № 389 (112); Яковлева и др., 2012. С. 155), Новгороде (Олейников, 2019), могильниках Залахтове (Колпакова, 2007. С. 78) и Беседа на Ижорском плато (Спицын, 1896. Табл. V, 12), сельских памятниках Подмосковья

(Хотяжи; Алексеев, 2004. С. 189) и Тверского Верхневолжья (Плешково, Беседы; Комаров, 2002. С. 149; Лагуткина, Степанова, 2001. С. 131), Муроме⁷, курганах у д. Кабанское и Вельково в районе Плещеева озера (Фехнер, 1968. С. 211) и др.

Высокая степень стандартизации крестов этой группы указывает на то, что они выпускались большими партиями в одном или нескольких крупных производственных центрах. Широко известна находка створки металлической формы последней четверти XI в. для отливки подобных крестов из Киева (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 373). Рисунок креста на форме не совпадает в деталях с серийными готовыми крестами, но представляет тот же вариант. Экземпляры из Новгорода датируются не ранее 40-х гг. XI в. (Тарабардина, 2014. С. 470) и концом XI — началом XII в. (Олейников, 2019), из Пскова — первой четвертью XI в. (Колпакова, 2007. С. 37), Звенигорода под Киевом — последней четвертью XI в. (Зоценко и др., 2017. С. 126). Вероятно, к этому времени и следует отнести появление крестов данной группы. Находки крестов в курганах встречены и в комплексах первой половины — середины XII в. (Лагуткина, Степанова, 2001. С. 128).

Еще два креста, обнаруженные в небольших обломках в Шекшово 2 (рис. 7, 4) и Суздале (рис. 7, 5), представляют другой вариант типа. Длина ветви креста из Шекшово 2 от середины средокрестия составляет 14 мм, толщина — 1,5 мм. Обратная сторона креста плоская гладкая. Лицевая сторона креста украшена выпуклым геометрическим декором. В центр средокрестия помещена полусфера, располагающаяся внутри выпуклого ромба с втянутыми сторонами. Ветвь креста по краю украшена гладким двойным бордюром. На треугольном конце ветви — три выпуклые маленькие полусферы, обрамленные углубленными окружностями. Крест отлит по оттиску из биллона (Cu — 32,76 %, Sn — 0,124 %, Pb — 1,3 %, Zn — 2,75 %, Ag — 60,42 %). Первоначальная отливка выполнена с использованием жесткой формы. Целый равноконечный экземпляр такого креста обнаружен в Ключково на р. Теза (Несмиян О., Несмиян В., 2012. С. 106).

Равноконечный крест с фигурными ветвями и концами ромбической формы, с тремя полусферами на концах (1 экз.) происходит из Вышеславского 3 (рис. 7, 6). Ширина креста равна

⁶ Аналогичный крест из Новгорода изготовлен из свинцовой латуни (Ениосова и др., 2017. С. 190).

⁷ В слое XI в. (любезное сообщение Н. Е. Чалых).

Рис. 7. Кресты «скандинавского типа»: 1 — Шекшово 2, 2016, № 1086/69; 2 — Сунгирь, 2007, № 392; 3 — Гнездилово 2, 2014, № 208/120; 4 — Шекшово 2, 2015, № 618/9; 5 — Суздаль, 2007; 6 — Вышеславское 3, 2018, № 207.

1-6 — цветной металл

Fig. 7. Crosses of the 'Scandinavian type': 1 — Shekshovo 2, 2016, no. 1086/69; 2 — Sungir, 2007, no. 392; 3 — Gnezdilovo 2, 2014, no. 208/120; 4 — Shekshovo 2, 2015, no. 618/9; 5 — Suzdal, 2007; 6 — Vysheslavskoye 3, 2018, no. 207.

1-6 — nonferrous metal

43,5 мм, толщина 5,3 мм (5,5 мм с полусферами). Крест отлит в двусторонней форме из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова и небольшим — свинца (Sn — 26,74 %, Pb — 2,56 %). Ветви креста объемные. Одинаковый геометрический орнамент украшает обе стороны. В центр средокрестия помещена выпуклая полусфера, обрамленная выпуклым рисунком из тройного ромба с вогнутыми сторонами. В средних частях всех ветвей имеются по два поперечных выпуклых валика. Ромбические концы ветвей украшены тремя выпуклыми уплощенными полусферами.

Экземпляр из Вышеславского 3 имеет отдаленные аналогии в Суздале и Ростове в комплексах XII в. (Седова, 1997. С. 132; Леонтьев, 2015. С. 49, рис. 1, 4) и в Старой Рязани (Остапенко, 2015. № 1).

Как уже отмечалось выше, археологические контексты не дают возможности для узкого датирования суздальских крестов, однако состав находок на поселениях важен для понимания их общих хронологических позиций. Суздальские «большие поселения» — памятники с яркими и многочисленными вещевыми материалами X–XI вв., однако на большинстве из этих поселений жизнь продолжалась и в XII–XIII вв. Соотношение хроноиндикаторов X — начала XII в. и второй половины XII — первой половины XIII в. на разных памятниках неодинаковое. На селищах Гнездилово 2 и Кубаево 7 хроноиндикаторы второй половины XII — первой половины XIII в. единичны, на селищах Шекшово 2 и Большое Давыдовское 2 они численно заметно уступают хроноиндикаторам X — начала XII в., на селище Сунгирь они, напротив, многочисленны. Основываясь на общем составе находок и датировках крестов на других памятниках, большие кресты из Шекшово 2, Большого Давыдовского 2, Суворотского 8 и их дериваты из Шекшова 2, 9 и Кубаева 7 с большой долей вероятности могут быть отнесены к XI в., возможно, даже к рубежу X–XI вв. На поселениях Вышеславское 3, Вышеславское 5 и Семеновское-Советское начало жизни должно быть определено около рубежа XI–XII вв. (судя по отсутствию лепной керамики и присутствию отдельных металлических вещей — хроноиндикаторов XI — начала XII в.), а на поселениях Торки 4 и Карельская Слободка 4 — к первой половине XII в. Найденные на этих памятниках кресты датируются временем не ранее рубежа XI–XII вв. Симптоматично, что

именно на этих селищах найдены три равноконечных креста с фигурными ветвями, расширяющимися к концам трехчастной формы без шариков, которые мы рассматриваем как местный вариант крестов «скандинавского типа», сложившийся на основе классических образцов. Серийные варианты крестов, представленные находками из Гнездилово, Сунгиря и Шекшово 2, появляются в Ополе, вероятно, в первой половине — середине XI в.

Широкое бытование крестов «скандинавского типа» в Северо-Восточной Руси основательно аргументировано исследованиями М. В. Фехнер. Новые суздальские материалы позволяют уточнить, что такие кресты появились в Ополе в конце X(?) — XI в., первоначально на «больших поселениях» — населенных пунктах, развитие которых в Волго-Окском регионе связано с особым экономическим укладом и особой культурой, хорошо известной по раскопкам раннегородских поселений X в. Вероятно, одним из самых ранних может считаться серебряный крест из кургана № 4 в Веси (раскопки А. С. Уварова; Макаров, 2012. С. 194). Потертость крестов, отсутствие верхних ветвей или разрывы на ушках свидетельствуют о том, что кресты носились в повседневной жизни. В Суздале и Ростове находки больших равноконечных крестов, которые рассматриваются как наиболее ранние, пока неизвестны. Технологические особенности крестов и состав сплавов с высоким содержанием олова, наличие экземпляров с высокой степенью сходства указывают на их местное (негородское) производство. Различные варианты крестов «скандинавского типа», включая стандартную продукцию крупных мастерских, оставались в обиходе сельского и городского населения центра Суздальской земли в первой половине XII в. Можно согласиться с А. Ю. Чураковой, рассматривающей историю крестов скандинавского типа в широком смысле как трансляцию культуры элиты в народную среду (Чуракова, 2017. С. 168), однако разделение больших и малых крестов как предметов, однозначно связанных с различными социальными группами, кажется слишком прямолинейным, особенно учитывая синхронность их бытования.

В общем массиве древнерусской христианской металлопластики XI–XIII вв. кресты «скандинавского типа» являются едва ли не единственной группой, не имеющей близких соответствий в продукции византийских и балканских

мастерских. Отсылки к восточно-христианскому происхождению этого типа крестов, правдоподобные в историческом контексте поездок русских дружинников в Византию и крещения их в Константинополе, не могут быть подкреплены указаниями на конкретные прототипы. В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина, связывая происхождение этой группы металлопластики с Византией, рассматривают в качестве прототипов кресты из Коринфа, опубликованные Г. Дэвидсоном (*Петрухин, Пушкина, 2009. С. 161*). Однако металлопластика из Коринфа, на которую ссылаются авторы, — это распространенные в Византии и на Ближнем Востоке кресты с концентрическими окружностями на концах (*Davidson, 1952. Pl. 110, № 2080–2082*), — достаточно далека по своему облику от крестов «скандинавского типа». Иной

«идея» подчинен и облик крестов с выделенной средней частью ветвей, оконтуренных выпуклыми бордюрами, отогнутыми на концах (*Дончева-Петкова, 2011. № 597*). Этот тип крестов, в отличие от многих других, распространенных на Руси, не обнаруживает прямой генетической связи с византийской металлопластикой. Вне зависимости от окончательного решения вопроса о месте производства отдельных вариантов равноконечных крестов и участия скандинавов в их производстве и распространении, очевидно, что кресты этого типа в широком смысле — вклад Севера в христианскую культуру ранней Руси. Суздальские находки убедительно подкрепляют этот тезис и раскрывают устойчивость образов христианской символики на Северо-Востоке на протяжении двух столетий.

Алексеев, 2004 — Алексеев А. В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. [Вып. 1]. С. 177–192.

Башков, 2011 — Башков А. А. Христианские древности Беларуси конца X — XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов, 2011. 194 с.

Белавин, Крыласова, 2017 — Белавин А. М. Крыласова Н. Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 284–297.

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 349 с.

Дончева-Петкова, 2011 — Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2011. 734 с.

Ениосова, 2016 — Ениосова Н. В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. М., 2016. № 35 (6). С. 724–733.

Ениосова, Кочкуркина, 2010 — Ениосова Н. В., Кочкуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Тр. КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010 (Сер. Гуманитарные исследования; № 4). Вып. 1. С. 24–33.

Ениосова и др., 2008 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного

сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 107–186.

Ениосова и др., 2017 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 187–203.

Ершова, 2016 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. С. 257–308.

Жукова, Степанова, 2010 — Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010 (Археология Верхневолжья). 352 с.

Зайцева, 2008а — Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 57–142.

Зайцева, 2008б — Зайцева И. Е., Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 2. С. 36–55.

Зайцева, 2009 — Зайцева И. Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология северно-

- русской деревни X–XIII веков. Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. Т. 3. С. 155–167.
- Зайцева, 2012 — Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 4. С. 30–47.
- Зайцева, 2015 — Зайцева И. Е. Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополье (химический состав) // КСИА. Вып. 241. М., 2015. С. 252–262.
- Зайцева, Сапрыкина, 2014 — Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А. Цветной металл средневекового Ярославля: химический состав // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 212–233.
- Захаров, 2004 — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Зоценко, Иевлев, 2010 — Зоценко В. Н., Иевлев М. М. Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 371–374.
- Зоценко и др., 2017 — Зоценко И. В., Ивакин Г. Ю., Ивакин В. Г. Новое городище XI–XIII вв. на юго-западной окраине древнего Киева // Материалы науч.-практич. семинара по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия им. А. Г. Векслера. М., 2017. С. 122–136.
- Ивакин Г. Ю. Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 287–303.
- Кайль А. В., Нечитайло В. В. Каталог нателных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII ст. Луганск: б. и., 2006.
- Колпакова, 2007 — Колпакова Ю. В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X — XVIII вв. (предметы личного благочестия): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2007.
- Комаров, 2002 — Комаров К. Н. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К, 2002. С. 141–189.
- Королева, 1996 — Королева Э. В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков: Изд-во Псковского гос. пед. ин-та, 1996. Вып. 3: Раскопки в древней части среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. С. 229–300.
- Лагуткина, Степанова, 2001 — Лагуткина Е. В., Степанова Ю. В. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. Тверь: Кн.-журн. изд-во, 2001. Вып. 4, т. II. С. 125–138.
- Леонтьев, 2015 — Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 45–52.
- Ливох, 2010 — Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.
- Макаров, 2012 — Макаров Н. А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 194–211.
- Макаров, 2018 — Макаров Н. А. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 317–327.
- Макаров, Федорина, 2015 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–131.
- Мальм, 1963 — Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: [Сов. Россия], 1963. С. 36–38.
- Мусин, 1999 — Мусин А. Е. Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 134–150.
- Недошивина, 1995 — Недошивина Н. Г. Металлические кресты-тельники домонгольской Руси // Церковная археология: Материалы Первой Всерос.

- конф. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания ИИМК РАН). Ч. 2. С. 69–71.
- Несмиян О., Несмиян В., 2012 — Несмиян О. А., Несмиян В. Г. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища 2 // Археология Владимирско-Суздальской земли. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 4. С. 101–110.
- Нечитайло, 2000 — Нечитайло В. В. Каталог христианских нагрудных виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ: Максим, 2000. 94 с.
- Новаковская-Бухман, 2017 — Новаковская-Бухман С. М. Украшения из частных коллекций в собрании Русского музея: Византия, Скандинавия, Восток // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 361–376.
- Носов, Овсянников, 1997 — Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 146–157.
- Олейников, 2019 — Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письма. К юбилею А. А. Медынцева. М.: ИА РАН. 2019. С. 323–351.
- Остапенко, 2015 — Остапенко А. А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 2015 // НОА ИА РАН. Р-2, № 2847, 2848.
- Петрухин, Пушкина, 2009 — Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archeologia Abrahamica*. М.: Индрик, 2009. С. 157–168.
- Подосенова, 2014 — Подосенова Ю. А. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Пермского Приуралья в эпоху Средневековья: первые итоги исследования // Тр. IV (XX) Всероссийского АС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 173–175.
- Покровская и др., 2017 — Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI — начала XII вв. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 467–474.
- Праздников, 2001 — Праздников В. В. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // ТАС. Тверь: Кн.-журн. изд-во, 2001. Вып. 4. Т. II. С. 173–177.
- Самойлович, Глазов, 2008 — Самойлович Н. Г., Глазов В. П. Отчет об археологических исследованиях на Яруновой горе в г. Суздале в 2007 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 48903. М., 2008.
- Сапрыкина, 2014 — Сапрыкина И. А. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 230–234.
- Сапрыкина и др., 2010 — Сапрыкина И. А., Митоян Р. А., Никитина Т. Б., Зеленцова О. В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII — начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Piliscsaba*, 2010. Р. 312–332.
- Сарачева, 2014 — Сарачева Т. Г. Химико-технологическое изучение металлических украшений древнерусского времени из раскопок курганов у с. Бельково // Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 54–62.
- Седов, 1984 — Седов В. В. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. М., 1984. Вып. 179: Славянская археология. С. 32–39.
- Седова, 1997 — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 320 с.
- Седых, Френкель, 2015 — Седых В. Н., Френкель Я. В. О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 2213–228.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Спицын, 1905 — Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 84–172.
- Тарабардина О. А. Кресты «скандинавского типа» из раскопок в Новгороде // Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 234–241.
- Федорина, Красникова, 2015 — Федорина А. Н., Красникова А. М. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимирско-Суздальской земли: Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 5 С. 147–158.
- Фехнер, 1968 — Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 210–214.

- Хаврин, 2014 — Хаврин С. В. Вот металл цветной // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Сб. статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 52–58.
- Ханенко, 1900 — Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с., 16 табл.
- Чудновец, 2006 — Чудновец А. А. Каталог средневековой мелкой пластики. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. 137 с.
- Чуракова, 2017 — Чуракова А. Ю. Подвески — кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII—XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 159–177.
- Шемаханская, 2015 — Шемаханская М. С. Металлы и вещи. История, свойства, разрушение, реставрация. М.: Индрик, 2015. 288 с.
- Шполянский, 2015 — Шполянский С. В. Датирующие находки второй половины XIII — первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам исследований последних лет) // Города и Веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 199–212.
- Яковлева и др., 2012 — Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Псков // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 139–159.
- Androshchuk, 2011 — Androshchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus' // *Early Christianity on the way from Varangians to the Greeks. Ruthenica. Supplementum 4.* Kiev, 2011. P. 70–89.
- Davidson, 1952 — Davidson G. *Corinth*. Vol. XII: The minor Objects. Princeton, 1952. 383 p.
- Merkel, 2016 — Merkel S. W. Silver and the Silver Economy at Hedeby. Bochum: VML Verlag Marie Leidorf, 2016. 273 p.
- Mugurēvičs, 1974 — Mugurēvičs E. Krustinveida piekarini Latvijā laika no 11. līdz 15. gs. // *Arheologija un Etnogrāfija*. Rīga, 1974. Vol. XI. S. 220–238.
- Purhonen, 1998 — Purhonen P. Kristinuskon saapumista suomen. Helsinki: [Suomen muinaismuistoyhdistys], 1998. 261s.
- Sedov, 1984 — Sedov V. V. Old Russia and Southern Finland (Finds of Old Russian Origin in Finland) // *ISKOS 4*. Helsinki, 1984. P. 16–25.
- Staecker, 1999 — Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999. 621 pp.
- Stenberger, 1958 — Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm: Almqvist und Wiksell, 1958. Bd. II: Fundbeschreibung und Tafeln. 271 p.
- Thunmark-Nylén, 1995 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. Bd. I: Abbildungen der Grabfunde. 382 s.

“Scandinavian type” cross-pendants at the sites of Suzdal’ Opolie: recent finds

N. A. Makarov, I. E. Zaytseva

Equilateral cross-pendants with widening branches and three balls (disks) at the ends, known as the “Scandinavian type” crosses constitute one of the most well-known groups of Christian metalwork of the Late Viking Age. Research interest in these artifacts grew with the consideration of their position as one of the earliest groups of Christian personal objects introduced into Rus', their presence in the elite burials of the late 10th century, and their wide geographical distribution in Scandinavia and Rus' which is regarded as the indication of contacts and cultural interaction. The total list of these artifacts published by A. Churakova in 2017 included 110 items. The paper presents artifacts of this group which were recently discovered at the sites of Suzdal’ Opolie (17 cross-pendants) with special insight into their morphology, manufacturing techniques and metal composition, as well as into their archaeological context.

Distribution of the finds proves that crosses of “Scandinavian type” were introduced into Suzdal’ region at the end of the 10th(?)— the 11th centuries, initially to the «large dwelling sites». Large equilateral crosses from Suzdal’ (8 items) represent the established iconographic type, but are regarded as the products of the local craft.

They were casted from high-tin bronze, called “white bronze”, simulating silver metalwork. Small crosses, which have high degree of standardization, were made of multicomponent alloy, one of the most common alloys in Northern Rus’ in the 11 century. Probably, they have been manufactured in one or several large production centers since the first half of the 11 century.

With the new finds from Suzdal’ Opolie’ North-Eastern Rus’ should be regarded as one of the regions, where equilateral crosses were most widely spread and manufactured, which is in line with earlier observations presented by M. Fechner. Diverse forms of these cross-pendants, including standard production of large workshops, remained popular at rural sites and in towns in the first half of the 12th century. In the total corpus of Medieval Rus’ Christian metalwork of the 11–13th centuries equilateral cross-pendants represent if not the only group which has no direct analogies in the production of Byzantine and Balkan workshops. Find distribution indicates their «norther origin» in broad sense, but provides no evidence of the initial center of their production. Cross-pendants from the sites of Suzdal’ Opolie reveal long-term survival of the Viking-age Christian metalwork and its transition to the culture of the common people.